

КРУЖОК Д. ВЕНЕВИТИНОВА*

В 1825 году, возбужденный примером «Полярной Звезды», произведшей общее движение в литературе, я решился издать альманах «Уранию». Все московские литераторы, начиная с Мерзлякова, обещали мне свое содействие и надавали статей — Дмитрий Веневитинов, Тютчев, Дмитриев (М. А.), Строев, Снегирев, Раич, Ознобишин, Титов; Муханов [Павел Александрович] подарил драгоценное письмо Ломоносова; князь Вяземский достал даже от Пушкина несколько мелких стихотворений, Шевырев принял в издании самое живое участие и поместил в «Урании» несколько переводов из Шиллера и Гёте и примечательное свое стихотворение «Я есмь».

Это стихотворение молодого человека, не имевшего еще двадцати лет отроду, обратило на себя внимание Пушкина и Баратынского. В декабре 1825 года мне случилось отправиться в Петербург, и Шевырев принял на себя окончание издания «Урании», которая пошла очень хорошо.

Успех «Урании» ободрил нас. Мы составили с Дмитрием Веневитиновым план издания другого литературного сборника, посвященного переводам из классических писателей, древних и новых, под заглавием «Гермес». У меня цело оглавление, написанное Шевыревым, из каких авторов надо переводить для знакомства с ними русской публики. Рожалин должен был перевести Шиллера «Мизантропа»**, Д. Веневитинов брался за Гётева «Эгмонта»***, я за Геза

* М. Погодин. Воспоминание о Степане Петровиче Шевыреве. СПб., 1869, с. 7—14.

** [Напечатан в «Москвитянине».]

*** [Переведено первое действие, напечатанное в собрании его сочинений.]

фон Берлихингена*, Шевырев за «Валленштейнов лагерь»**.

Программы сменялись программами, и в эту-то минуту, когда мы были, так сказать, впопыхах, рвались работать, думали беспрестанно о журнале, является в Москву А. Пушкин, возвращенный государем из его псковского заточения.

Представьте себе обаяние его имени, живости впечатления от его поэм, только что напечатанных, — «Руслана и Людмилы», «Кавказского пленника» и в особенности мелких стихотворений, каковы: «Празднество Вакха», «Деревня», «К домовому», «К морю», которые просто привели в восторг всю читающую публику, особенно нашу молодежь, архивную и университетскую. Пушкин представлялся нам каким-то гением, ниспосланным оживить русскую словесность. Семейство Пушкиных было знакомо и, кажется, в родстве с Веневитиновыми. Через них и через Вяземского познакомились и все мы с Александром Сергеевичем. Он обещал прочесть всему нашему кругу «Бориса Годунова», только что им конченного. Можно себе представить, с каким нетерпением мы ожидали назначенного дня. Наконец настало это вожделенное число. Октября 12 числа поутру спозаранку мы собирались все к Веневитинову (между Мясницкою и Покровкою, по дороге к Армянскому переулку) и с трепещущим сердцем ожидали Пушкина. Наконец в двенадцать часов он является.

Какое действие произвело на всех нас это чтение, передать невозможно. До сих пор еще — а этому про-

* [Перевод мой напечатан особой книгой в 1828 году, с посвящением Дмитрию Веневитинову. Исправленное издание в собрании сочинений Гёте, 1866.]

** [Отрывки напечатаны в «Московском Вестнике». Вполне «Валленштейнов лагерь» долго не был разрешаем цензурой и только в 1858 году был напечатан особо.]

шло сорок лет — кровь приходит в движение при одном воспоминании. Мы собрались слушать Пушкина, воспитанные на стихах Ломоносова, Державина, Хераскова, Озерова, которых все мы знали наизусть. Учителем нашим был Мерзляков, строгий классик. Надо припомнить и образ чтения стихов, господствовавший в то время. Это был распев, завещанный французскою декламацией, которой мастером считался Кокошкин и последним, кажется, представителем был в наше время граф Блудов. Наконец, надобно представить себе самую фигуру Пушкина. Ожидаемый нами величавый жрец высокого искусства — это был среднего роста, почти низенький человечек, с длинными, несколько курчавыми по концам волосами, без всяких притязаний, с живыми быстрыми глазами, вертлявый, с порывистыми ужимками, с приятным голосом, в черном сюртуке, в темном жилете, застегнутом наглухо, в небрежно завязанном галстуке. Вместо языка кокошкинского мы услышали простую, ясную, внятную и вместе пийтическую увлекательную речь. Первые явления мы выслушали тихо и спокойно или, лучше сказать, в каком-то недоумении. Но чем дальше, тем ощущения усиливались. Сцена летописателя с Григорием просто всех ошеломила. Что было со мною, я и рассказать не могу. Мне показалось, что родной мой и любезный Нестор поднялся из могилы и говорит устами Пимена: мне послышался живой голос древнего русского летописателя. А когда Пушкин дошел до рассказа Пимена о посещении Кириллова монастыря Иоанном Грозным, о молитве иноков — «да ниспошлет Господь покой его душе, страдающей и бурной», — мы все просто как будто обеспамятали. Кого бросало в жар, кого в озноб. Волосы поднимались дыбом. Не стало сил воздерживаться. Один вдруг вскочит с места, другой вскрикнет. У кого на глазах слезы, у кого улыбка на гу-

бах. То молчание, то взрыв восклицаний, например, при стихах Самозванца:

Тень Грозного меня усыновила,
Димитрием из гроба нарекла,
Вокруг меня народы возмутила
И в жертву мне Бориса обрекла.

Кончилось чтение. Мы смотрели друг на друга долго и потом бросились к Пушкину. Начались объятия, поднялся шум, раздался смех, полились слезы, поздравления. «Эван, эвое, дайте чаши!» Явилось шампанское, и Пушкин одушевился, видя такое свое действие на избранную молодежь*.

Ему было приятно наше внимание. Он начал нам, поддавая пару, читать песни о Стеньке Разине, как он выплывал ночью по Волге на востроносой своей лодке, и предисловие к «Руслану и Людмиле», тогда еще публике неизвестное:

У лукоморья дуб зеленый,
Златая цепь на дубе том;
И днем и ночью кот ученый
Там ходит по цепи кругом;
Идет направо — песнь заводит,
Налево — сказку говорит...

Начал рассказывать о плане для Дмитрия Самозванца, о палаче, который шутит с чернью, стоя у плахи на Красной площади, в ожидании Шуйского, о Марине Мнишек с Самозванцем, сцену, которую создал он в голове, гуляя верхом на лошади, и потом позабыл в половину, о чем глубоко сожалел. О, какое удиви-

* Ср. в письме А. Ф. Войкова к В. Переображену 22 ноября 1826 года (Петербург): «Вчера слушал я трагедию «Борис Годунов», соч. А.С. Пушкина. Это чудо, это образец силы, ужаса высокого и великого! Русь ничего не имела подобного в драматическом роде» (и т. д.). «Русский Архив» 1890, № 9, с. 92.

тельное то было утро, оставившее следы на всю жизнь! Не помню, как мы разошлись, как докончили день, как улеглись спать. Да едва ли кто и спал из нас в эту ночь, так был потрясен весь наш организм.

На другой день было назначено чтение «Ермака», только что конченного и привезенного А. Хомяковым из Парижа. Ни Хомякову читать, ни нам слушать не хотелось, но этого требовал Пушкин. Хомяков чтением приносил жертву. «Ермак», разумеется, не мог произвести никакого действия после «Бориса Годунова», и только некоторые лирические места вызвали хвалу. Мы почти не слыхали его. Всякий думал свое.

Пушкин знакомился с нами со всеми ближе и ближе. Мы виделись все очень часто. Шевыреву выразил он свое удовольствие за его «Я есмь» и прочел наизусть некоторые его стихи; мне сказал любезности за повести, напечатанные в «Урании». Толки о журнале, начатые еще в 1823 или 1824 году в обществе Раича, усилились. Множество деятелей молодых, ретивых, было, так сказать, налицо, и оно сообщило Пушкину общее желание. Он выразил полную готовность принять самое живое участие. После многих переговоров редактором был назначен я. Главным помощником моим был Шевырев. Много толков было о заглавии. Решено — «Московский Вестник». Рождение его положено отпраздновать общим обедом всех сотрудников. Мы собрались в доме, бывшем Хомякова (где ныне кондитерская Люке): *Пушкин, Мицкевич, Баратынский, два брата Веневитиновы, два брата Хомяковы, два брата Киреевские, Шевырев, Титов, Мальцев, Рожалин, Раич, Рихтер, В. Оболенский, Соболевский...* Нечего описывать, как весел был этот обед. Сколько тут было шума, смеху, сколько рассказано анекдотов, планов, предложений. Напомню один, насмешивший все собрание. Оболенский, адъюнкт греческой словесности, добрей-

ший человек, какой только может быть, подпив за столом, подскочил после обеда к Пушкину и, взъерошивая свой хохолок — любимая его привычка — воскликнул: «Александр Сергеевич, Александр Сергеевич, я единица, единица, а посмотрю на вас, и мне кажется, что я — миллион. Вот вы кто!» Все захохотали и закричали: «Миллион, миллион!»

В Москве наступило самое жаркое литературное время. Всякий день слышалось о чем-нибудь новом. Языков прислал из Дерпта свои вдохновенные стихи, славившие любовь, поэзию, молодость, вино; Денис Давыдов — с Кавказа; Баратынский издавал свои поэмы; «Горе от ума» Грибоедова только что начало распространяться. Пушкин прочел «Пророка», который после «Бориса» произвел наибольшее действие, и познакомил нас с следующими главами «Онегина», которого до тех пор была напечатана только первая глава. Между тем на сцене представлялись водевили Писарева с острыми его куплетами; Шаховскойставил свои комедии вместе с Кокошкиным; Щепкин работал над Мольером, и Аксаков, тогда еще не старик, переводил ему «Скупого»; Загоскин писал «Юрия Милославского»; М. Дмитриев выступил на поприще со своими переводами из Шиллера и Гёте. Последние составляли особый от нашего приход, который, однако, вскоре соединился с нами, или, вернее, к которому мы с Шевыревым присоединились, потому что все наши товарищи, остававшиеся в постоянных, впрочем, сношениях, отправились в Петербург. Оппозиция Полевого в «Телеграфе», союз его с «Северной Пчелой» Булгарина и желчные выходки Каченовского, к которому вскоре явился на помощь Надоумко (Н.И. Надеждин), давали новую пищу. А там Дельвиг с «Северными Цветами», Жуковский с новыми балладами, Крылов с баснями, которые выходили еще по одной, по две в год,

Гнедич с «Илиадой», Раич с «Тассом», Павлов с лекциями о натуральной философии в университете. Вечера, живые и веселые, следовали один за другим, — у Елагиных и Киреевских за Красными воротами, у Веневитиновых, у меня, у Соболевского в доме на Дмитровке, у княгини Волконской на Тверской. В Мицкевиче открылся дар импровизации. Приехал М.И. Глинка, связанный более других с Мельгуновым и Соболевским, и присоединилась музыка.

Горько мне сознаться, что я пропустил несколько из этих драгоценных вечеров «страха ради иудейска». Я знал о подозрении на меня за «Нищего»*, помещенного в «Урании»; новый председатель цензурного комитета, князь Мещерский, — сын того Мещерского, который преподал Щепкину первые уроки драматического искусства и поставил его на настоящую дорогу (он давно уже умер), — послал на меня донос, выставляя «Московский Вестник» отголоском 14-го декабря. Мицкевич и другие филареты** находились под надзором полиции, да и сам Пушкин с Баратынским были не совсем еще обелены. Я, в качестве редактора журнала, боялся слишком часто показываться в обществе людей, подозрительных для правительства, и, действительно, мне пришлось бы плохо, если бы в цензурном комитете не занял, наконец, места С.Т. Аксаков; он принял к себе на цензуру «Московский Вестник», и мы с Шевыревым успокоились.

* [В этой повести было изображено одно из злоупотреблений крепостного права.]

** [Филаретами назывались члены общества виленских студентов, которые по политическим подозрениям были исключены из университета и разосланы в разные города. Мицкевичу, Ешевскому, Дацкевичу досталась Москва, где они были приписаны на службу по разным mestvam]. См. статью Н.С. Кутейникова «Мицкевич и виленские филареты» в «Историческом Вестнике», 1884, декабрь, с. 754—787.

Для первой книжки Шевырев написал разговор о возможности найти единый закон для изящного и шутливую статью о правилах критики. Я начал подробным обозрением книги Эверса о древнейшем праве Руси (тогда еще не переведенной), где выразил впервые мысли о различии удельной системы от феодальной. Тогда же я начал печатать свои афоризмы, доставившие мне много наслаждений.

Мы были уверены в громадном успехе; мы думали, что публика бросится за именем Пушкина, которого лучший отрывок, сцена летописателя Пимена с Григорием, должен был появиться в начале первой книжки. Но, увы, мы жестоко ошиблись в своих расчетах, и главною виной был я: несмотря на все убеждения Шевырева, во-первых, я не хотел пускать, опасаясь лишних издержек, более четырех листов в книжку до тех пор, пока не увеличится подписка, между тем как «Телеграф» выдавал книжки в десять и двенадцать листов; во-вторых, я не хотел прилагать картинок мод, которые, по общим тогдашним понятиям, служили первою поддержкой «Телеграфа»; в-третьих, я не употребил никакого старания, чтобы привлечь и обеспечить участие князя Вяземского, который перешел окончательно к «Телеграфу», содействовал больше всех его успеху на первых порах своими остроумными статьями и любопытными материалами и обратил читателей на его сторону; наконец, в-четвертых, «Московский Вестник» все-таки был мой *hors d'oeuvre*: я не отдавался ему весь, а продолжал заниматься русскою историей и лекциями о всеобщей истории, которая была мне поручена в университете. С Шевыревым споры доходили у нас чуть не до слез, и, когда на общих собраниях сотрудников у спорщиков уже не хватало сил и горло пересыхало, запивались кипрским вином, которого большой запас удалось нам приобрести как-то по слу-

чаю. Вино играло роль на наших вечерах, но отнюдь не до излишества, а только в меру, пока оно веселит сердце человеческое. Пушкин не отказывался иногда выпить. Один из товарищей был знаменитый знаток, и перед началом «Московского Вестника» было у нас в моде «калеатико», прославленное Державиным.

В марте весь наш круг был потрясен известием о внезапной кончине в Петербурге Дмитрия Веневитинова. Мы любили его всею душой. Это был юноша дивный*...

М. П. Погодин

САЛОН ЗИНАИДЫ ВОЛКОНСКОЙ**

I

В Москве дом княгини Зинаиды Волконской был изящным сборным местом всех замечательных и отборных личностей современного общества. Тут соединились представители большого света, сановники и красавицы, молодежь и возраст зрелый, люди умствен-

* Ценным комментарием могут служить — письма *М. Погодина* к *С.Л. Шевыреву* с введением и историко-лит. объяснениями Н.П. Барсукова в «Русском Архиве» 1882, №№ 5, 6, а также воспоминания Шевырева о Пушкине в сборнике Л. Майкова «Пушкин. Биографические материалы и историко-лит. очерки», СПб., 1899. Ср. в письме *Погодина* *М.А. Максимовичу* 28 окт. 1871 года: «Но вот являются «Телеграф» и «Московский Вестник» с зародышами западничества и славянофильства. Война завязалась вскоре не на живот, а на смерть. Аксаковские субботы с Шаховским, Загоскиным, Писаревым, Дмитриевым (М.А.), Пипским, Верстовским и, наконец, Надеждиным; вечерние собрания у Елагиных с Киреевскими, Языковым, Каролиной Яниш, у Сухово-Кобылиных — с Надеждиным, Морошкиным и Раичем — делаются сосредоточием литературного движения, ареопагом печатных явлений» — «Русск. Архив» 1882, № 5, с. 86. Ранее в сборнике «Юбилей М.А. Максимовича». Киев. 1871.

** Полное собрание сочинений князя *П.А. Вяземского*, т. VII, с. 328—329, 329—330.